

Д.А. Редин
Екатеринбург

**ЧЕЛОВИТНЫЕ КРЕСТЬЯН О ВЗЯТКАХ
И ВЫМОГАТЕЛЬСТВАХ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ
НИЗШЕГО ЧИНОВНИЧЕСТВА УРАЛА
И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1720-х гг.***

Актуализация историко-антропологических изысканий, характерная для новейшего периода развития российской исторической науки, породила не только определенные методологические трудности, но, как представляется, и «методологические мифы». К одному из таковых относится широко распространенное представление о том, что советская историография была столь гипертрофированно сконцентрирована на социально-экономической тематике и столь всецело находилась во власти марксистской доктрины, что ей по природе был чужд антропологический подход и связанный с ним круг проблем и методов. Между тем работы многих советских историков 1960–1980-х гг. опровергают подобные представления и показывают, что историография тех лет накопила значительный опыт историко-антропологических исследований и сформировала основу для дальнейшего теоретического моделирования в этой сфере. В первую очередь в ряду этих работ следует перечислить те, которые были посвящены изучению имущественного уровня, структур потребления, бытовой материальной культуры различных слоев российского общества, словом, всего того, что относится к понятию «история повседневности» и входит в сферу историко-антропологического интереса. Конечно, в советскую эпоху в ходу была иная терминология, а сюжеты, связанные с повседневной бытовой культурой, занимали, в известной степени, периферийное положение в исследовательском пространстве. Тем не менее, объективно сегодняшняя ситуация, по большому счету, отличается от предыдущей лишь сменой приоритетов научной рефлексии; тем, что, по справедливому замечанию А.Б. Каменского, «история повседневности... сформировавшись в рамках пробле-

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования РФ. Грант в области гуманитарных наук Г02-1-27.

матики исторической антропологии... превратилась в самостоятельную область научного познания...»¹.

Исследование структур потребления дворянства и бюрократии первой четверти — первой половины XVIII в. имеет свою богатую традицию². Будучи составляющей более общей проблемы — имущественного положения привилегированных слоев российского общества, исследование потребления в первую очередь представлялось чрезвычайно важным «для определения социального облика бюрократии»³, формировавшейся в указанный период из представителей именно этих слоев. Знакомство с литературой дает основание утверждать, что историки сосредоточивали свое внимание на изучении вопроса по материалам Европейской части России. Географический выбор определялся, как это часто бывает, состоянием источниковой базы. Наиболее аутентичным, информационно насыщенным, разнообразным по содержанию, однородным по структуре (а значит удобным в статистической обработке) и относительно полно сохранившимся материалом для этих изысканий служили материалы вотчинных хозяйств: отписные книги, вотчинные указы, инструкции, письма приказчикам и дворецким, торговым агентам, купцам и банкирам. Дополнительные сведения о структуре и качестве потребления, главным образом столичной бюрократии и офицерства, предоставляли мемуарные сочинения современников (для петровской эпохи, в большей мере, иностранцев). Вероятно, в первую очередь обстоятельства источникового характера объясняют тот факт, что аналогичные параметры жизни урало-сибирской бюрократии первой четверти XVIII в. оказались практически вне поля зрения историков. Между тем возросший в последнее время интерес к фронтальным исследованиям региональной истории настоятельно ставит вопрос об изучении провинциальной бюрократии и в ракурсе истории повседневности. Однако на пути этих штудий встают трудности, связанные с региональной спецификой функционирования уралосибирского чиновничества и с обусловленными этими особенностями источниковой базы проблемами.

Исторически сложилось так, что административные должности в низовом звене регионального аппарата управления Сибири (к которой относился, по большому счету, Урал) замещались представителями местных служилых фамилий, а в известных случаях (главным образом, в западных уездах) — выходцами из посадских слоев. В эпоху петровских реформ, особенно в 1720-е гг., когда потребность в управленческих кадрах резко возросла, эта тенденция усилилась. Характерной особенностью контингента, принято

го на комиссарские вакансии уездного/дистриктного уровня в Сибири (в том числе и по горнозаводскому ведомству) и составившего «приказный» штат местных учреждений, было то, что его представители в массе своей не владели земельной привилегированной собственностью: в Сибири ее, по существу, не было; подавляющее большинство сибирских дворян и детей боярских не располагало таковой и в Европейской части России, а служилым приборным и посадским людям иметь ее не полагалось вовсе. В результате, потенциальные исследователи материального положения низших чинов уралосибирской бюрократии петровского времени лишились самого главного источника, проливавшего свет на эту проблему: документов вотчинных хозяйств. Конечно, отчасти этот недостаток восполняется другими источниками, в первую очередь, описями имущества, составлявшимися либо в результате уголовных дел, связанных с конфискациями, либо в результате гражданских тяжб, связанных с разделом, продажей, завещанием собственности или с другими подобными случаями. Но эти источники имеют несколько недостатков. Во-первых, они, надо признать, не носят массового характера, а, следовательно, информация, содержащаяся в них, скорее иллюстративна и требует более сложных интерпретаторских методик, если на ее основе делаются какие-либо обобщения. Во-вторых, имущественные описи дают не полную картину структуры повседневного потребления, фиксируя лишь предметы быта и обихода и оставляя в стороне продукты питания (хотя отчасти этот недостаток может быть восполнен при наличии в описи упоминаний о скоте, домашней птице, запасах хлеба, меда, сена, спиртных напитков и т. п.). Впрочем, наличие столь развернутых описей, рисующих состояние хозяйства интересующих нас лиц на определенное место и время действия — явление редкое и, во всяком случае, для автора статьи гипотетическое. В то же время, в структуре потребления жителя провинции того времени именно повседневный рацион имел едва ли не первенствующее значение. Пища, помимо прямого своего назначения — поддержания физиологических потребностей человека, играла социально маркирующую роль. Принадлежность к привилегированным группам или просто более высокий достаток, чем-то сближавший его обладателя с представителями «верхов», выделявший из массы, выражались в том числе и более высоким качеством питания. В этом смысле можно даже говорить о престиже тех или иных продуктов питания. Так, например, известно, что самое общее различие между дворянским и крестьянским рационами состояло, прежде всего, в уровне потребления мяса, попадавшего на крестьянский стол

исключительно редко. К такого рода различиям можно отнести и разнообразие пищи, также более характерное для потребления дворян и «зажиточных городских слоев»⁴.

Между тем, определенную информацию, характеризующую структуру потребления низшего чиновничества Урала и Сибири, содержат источники, на первый взгляд не имеющие отношения к бытовой повседневности, но хорошо известные историкам: челобитные крестьян на должностные злоупотребления местных администраторов. В распоряжении автора настоящей статьи скопился хронологически и территориально компактный материал, состоящий примерно из двух десятков такого рода челобитных, в которых крестьяне, жалующиеся на произвол представителей низового административного аппарата, подробно перечисляют «вымученное» с них имущество⁵. Значительную часть в этих перечнях составляют продукты питания. Объем собранного документального материала не велик, но именно его *не уникальность* позволяет уверенно надеяться на дальнейшее и довольно скорое пополнение, а имеющаяся информация дает основание для некоторых предварительных наблюдений.

Крестьянские челобитные (или, по самоназванию, «доношения»), о которых пойдет речь, отложились в ф. 24 («Уральское горное управление») Госархива Свердловской области и своим происхождением обязаны деятельности на Урале генерала В.И. де Геннина. Взятый под свое начало горнозаводскую отрасль края, де Геннин в первые годы обладал и особыми полномочиями, которыми он был облечен как глава временной розыскной канцелярии⁶. В 1723–1724 гг. им были предприняты меры по изобличению и наказанию ряда чиновников дистриктного звена управления, чье лихоимство провоцировало разорение и побег крестьян, что в свою очередь негативно сказывалось на организации заводских работ. Увидев, вероятно, в связи с этим, в царском эмиссаре своего заступника, к нему в канцелярию со своими жалобами стали обращаться многие обиженные, в том числе не только крестьяне приписных слобод, но и представители других категорий податного населения: пашенные крестьяне, отставные солдаты, тобольские ямщики, новокрещенные татары и т. д. Объектом их обвинений стали земские, судебные и подчиненные комиссары уральских дистриктов и слобод, подьячие и писчики местных контор.

Из 14 фигурантов рассматриваемых крестьянских доношений двое занимали должности земских комиссаров, один являлся судебным комиссаром, шестеро служили подчиненными комиссарами (слободскими приказчиками), трое — подьячими земских

(дистриктных) контор и двое — писчиками. Носители комиссарских званий (более половины обвиняемых — 9 человек) принадлежали к известным тобольским служилым фамилиям Фефиловых, Нееловых, Стадухиных, Чернышевых, Дурасовых, Булгаковых, Протопоповых. Инкриминируемые им преступления нередко выходят за хронологические рамки написания доношений (конец 1722 — начало 1724 г.) и относятся к 1713, 1714, 1718–1720 гг., что само по себе показательно, так как позволяет говорить об определенной длительности и безнаказанности практики вымогательства. Материальные предпочтения господ комиссаров и приказных распределялись следующим образом: деньги, продукты питания, лошади и крупный рогатый скот, фураж (сено и овес; последний, скорее всего, вымогался именно в качестве фуража, а не продовольствия) и в очень редких случаях предметы обихода. Ассортимент продуктов питания весьма разнообразен, мы находим среди них индеек, кур, уток, баранов, свинину, рыбу, коровье масло, мед, пшеничную муку, рожь и ячмень, вино, пиво, хмель и конопляное семя. В этом списке и готовые продукты (свинина, рыба, масло, вино и пиво), и, так сказать, полуфабрикаты («хлеб» — немолотые рожь и ячмень, мука, хмель и конопляное семя), и домашняя живность (птица и мелкий скот), перечисленная в таком контексте и в таких количествах, что ее без сомнения надо воспринимать как продукты питания. Несколько сложнее обстоит дело с упоминанием среди взятого с крестьян крупного рогатого скота. Создается впечатление, что он не всегда шел на обеспечение «столового припаса», а отнимался у населения для дальнейшей перепродажи. Так, например, большой тягой к именно этой живности отличался приказчик Верхненицинской слободы Тобольского дистрикта Федор Протопопов, бравший по преимуществу деньгами и скотом. За разные годы своей административной деятельности на посту слободского приказчика, он «смучил» с шестерых челобитчиков и их отцов (тобольских ямщиков, пашенных крестьян и отставного солдата) 8 быков-четырёхлеток, 4 коровы, 1 теленка, 2 баранов и 9 лошадей⁷.

Крестьянские доношения показывают различия в подходах вымогателей. Для некоторых сбор продуктов не самоцель; складывается впечатление, что они берут их потому, что с данного человека и в данных обстоятельствах взять больше нечего. Подчиненный комиссар Иван Дурасов, несколько лет терроризировавший вверенную ему Калиновскую слободу относился, скорее, именно к таким администраторам. Пьяница и дебошир, порой избивавший крестьян просто из удовольствия, он чаще всего выколачивал

деньги. Продукты питания, изъятые им у калиновцев, сводятся, в основном, к хлебу и вину (100 пудов хлеба и 4 ведра вина в разное время, вероятно в 1722–1723 гг.). Среди натуральных поборов Дурасова, словно подчеркивая их «вспомогательный» характер, попадает упоминание о свиной туше и двух красных сафьянах (один из упомянутых редких случаев присвоения непищевых продуктов)⁸. Большой основательностью отличались натуральные «оброки» подчиненного комиссара Алексея Булгакова и покровительствовавшего ему каменского земского комиссара Федора ФEFIлова. Не пренебрегая денежными подношениями, они довольно регулярно взимали с населения продовольствие. Багаряцкие крестьяне покупали на мирские деньги для А. Булгакова (в бытность его подчиненным комиссаром этой слободы) рыбу и вино; разъезжая «по уезду для своих прихотей», Булгаков требовал снабжения «денгами и хлебом», брал «из миру хлебом, и харчом, и денгами»⁹. Среди продуктов, изъятых в пользу Ф. ФEFIлова мед, хлеб (рожь и ячмень), пиво, конопляное семя и хмель. Только за три года (1719–1722) этот чиновник взял с крестьян 6 слобод, составлявших управляемый им дистрикт, «денгами и харчевым» на 248 руб. 38 коп.¹⁰ К сожалению, челобитчики не потрудились подробнее расписать эти «харчевые» и невольно лишили нас интересного материала. Зато не поленились в свое время сделать это сотники Белоярской и Новоышминской слобод Уктусского дистрикта, подавшие 16 декабря 1722 г. доношение, обличавшее уктусского земского комиссара Степана Неелова. Благодаря им мы имеем возможность посмотреть, как можно было устраивать свой быт, занимая должность уездного начальника в непростое время петровских перемен. Не гнушаясь, подобно другим своим коллегам, денежными поборами, он «взял из за грозы» 10 индеек, 20 кур, 20 уток, 3 барана, 4 пуда пшеничной муки, 10 пудов ячменя, 10 пудов овса и пуд коровьего масла¹¹.

Не комментируя количественные показатели, а лишь памятуя о том, что цитируемые доношения, скорее всего, лишь фрагментарно освещают преступную деятельность лихоимцев, обратим внимание на поразительную схожесть структуры потребления названных чиновников со структурой потребления помещиков Европейской России. Обобщая данные отписных книг имений служилых людей центральных уездов страны в конце XVII — первой четверти XVIII в., Ю.А. Тихонов подсчитал, что на столовый припас помещику шло «в среднем с крестьянского двора... 1/2—2 барана, 1/2—2 пуда свинины, 1–2 поросенка, гусь, утка, 1–10 кур, 1/2 — 1 фунт масла, 10–100 яиц» в год¹². Обращает на себя вни-

мание и другое. Создается впечатление, что уралосибирские администраторы и канцелярские служители, лишенные возможности обеспечивать свои продовольственные потребности за счет крепостных собственных поместий, воспроизвели подобие оброчной системы на территории подчиненных им дистриктов и слобод. Облагая государственных тяглецов «владельческими» повинностями, они гибко варьировали натуральную и денежную ренту, сбор которой, будучи незаконным, неизбежно обеспечивался насилием. Эта мысль еще более подкрепляется хотя и единичным, но достойным внимания фактом. Упомянувшийся С. Неелов не только обкладывал своеобразной натуральной рентой белоярских крестьян, но и отдавал им «на мирской откорм» собственную домашнюю птицу, то есть реализовывал типичную для помещичьего хозяйства Центральной России повинность — выращивание на крестьянских дворах господского скота и птицы¹³.

Приведенные сведения показывают, что источниковедческий потенциал крестьянских челобитных способен раскрываться новыми гранями, а исследование материального положения провинциального чиновничества требует комплексного подхода, который не должен сводиться к простой фиксации размеров окладного жалования и констатации его неаккуратных выплат.

Примечания

¹ Каменский А.Б. Повседневная жизнь русского города XVIII в. как источниковедческая проблема // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С.237.

² Вот лишь некоторые работы на эту тему: Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Троицкий С.М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А.Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Заозерская Е.И. Помещик Жуков и его хозяйство // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII веков. М., 1975; Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России (первая половина XVIII в.). Л., 1982; сведения по интересующей тематике, источники и методы проведения исследований различных компонентов уровня жизни привилегированных слоев русского общества содержатся также и в работах, посвященных исследованию крестьянских хозяйств и структуры феодальных повинностей, напр.: Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953; Петрова Л.И. Крестьяне крупной Курской вотчины в первой четверти XVIII в. // Вестник ЛГУ, Л., 1964. № 20. Серия истории, языка, литературы. Вып. 5; Осьминский Т.И. Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина (1731 г.) // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968; Троицкий С.М. Переписная книга Леденгского уоля князя А.Д. Меншикова // Материалы по истории

Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970; Он же. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в. (По архиву князя А.Д. Меншикова) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л., 1972; Тихонов Ю.А. Крестьянское хозяйство Центральной России первой четверти XVIII в. // ИСССР. 1971. № 4; Он же. Феодальная рента в помещичьих имениях Центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII в. (владельческие повинности и государственные налоги) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Он же. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974 и др.

³ Троицкий С.М. Хозяйство крупного садовника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А.Д. Меншикова). С.215.

⁴ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. С.257. В этой же книге приводятся примеры своего рода «престижных» продуктов, в частности сахара, который даже в конце XVIII в. воспринимался крестьянством как «боярское кушанье» (Там же. С.259).

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5а. Т. 1. Л. 2-2 об., 4-5 об., 6 об., 7-8 об., 23, 41, 50, 60, 66; там же. Д. 17. Л. 16, 18; там же. Д. 216. Л. 184-188 об.

⁶ Подробно об этом см.: Редин Д.А. Личная канцелярия генерала де Гевнина: характер учреждения, штат, сфера компетенции и организация делопроизводства // Уральский сборник. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С.36-64.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 216. Л. 184-188 об.

⁸ Там же. Д. 5а. Т. 1. Л. 4-5 об.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 8 об. Там же. Д. 17. Л. 16.

¹¹ Там же. Д. 5а. Т. 1. Л. 2-2 об.

¹² Тихонов Ю.А. Феодальная рента в помещичьих имениях Центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII в. (владельческие повинности и государственные налоги). С.205.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5а. Т. 1. Л. 2; Тихонов Ю.А. Крестьянское хозяйство Центральной России... С.201.

